

БИЙСКИЙ ВЕСТНИК

№3
2022

Андрей ФРОЛОВ

ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ АПРЕЛЬ

Апрель уже просох под солнечными лучами. Тополя выбросили первые листья – ярко зелёные и блестящие их язычки, едва выпрастаясь из почек, жадно лизали воздух, освещали парковую аллею. Снег, водой сбегавший в реку, оставил на газонах привычный зимний мусор: линялые бумажки, смятые пластиковые бутылки, картонки из-под сока, сигаретные пачки. Нет, снег, если и виноват, то лишь в том, что всю зиму покрывал некрасивые дела людей...

Приблизительно такие мысли неторопливо кружились в голове Виктора Петровича, в такт им шаркающей походкой бредущего по асфальтовой дорожке.

Впрочем, на мусор можно и не смотреть. Есть деревья, начинающие оживать; есть небо, ещё позимнему белёсое, но уже поднявшееся, воспарившее над землёй; есть, наконец, молоденькая художница, пристроившаяся на краю скамейки: одну ногу поджала под

себя, на коленях фанерка – чиркает что-то карандашом, изредка поглядывая вокруг.

Парковые скамейки, как ни странно, чистые, хоть и облупленные. Не успели, значит, затоптать их бесцеремонные тинейджеры.

Виктор Петрович устало присел напротив художницы и прикрыл глаза, глубоко вдыхая пряный весенний дух.

Он давно заметил, что апрели все разные. Нынешний для него – шестьдесят восьмой, а присматриваться к ним Виктор Петрович стал примерно с тридцать девятого. До этого весна была просто весной, зима – зимой, лето – летом. В беспрестанной круговерти забот, теперь казавшихся по большей части пустыми, некогда было приглядываться к смене времён года.

Апрель этого года был ярким днями и холодным по ночам, остро пахнущим перестоялым туманом и берёзовым соком...

Рядом на скамейку плюхнулся подросток. Худосочный, копна

Андрей Владимирович ФРОЛОВ родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель Орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений, сборника рассказов и многочисленных публикаций в журналах и альманахах. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребенщикова, имени Н. Гумилёва, «Ладога» имени А. Прокофьева. Член Союза писателей России.

Живёт в Орле.

волос, мешковатые штаны того и гляди свалятся с жидких бёдер. Из ушей свисают тонкие проводки «музыки». Плеер, кажется, называется. Сколько ему? Пятнадцать? Шестнадцать? А уже с бутылкой пива. Дела!..

Он и сел-то на скамейку, уже занятую Виктором Петровичем, не потому, что свободных не было. Скорее, юнец просто не видел и не слышал ничего вокруг, увлечённый исключительно собой.

А вокруг была весна! Апрель! Оживает земля!.. Вон птичка по газону весело бегает, выискивает чего-то среди мусора...

— Приколись, дед, птица какая чудная! — завопил вдруг подросток, оглушённый своей «музыкой». — Вертихвостка, кажись!

— Трясогузка, — машинально поправил Виктор Петрович, неуверенный, что его слышат. И одновременно удивился: надо же, малец-то, оказывается, наблюдательный — меня вон увидел, птичкой заинтересовался.

— Я и говорю, прикольно — хвостом-то так и трясёт! — продолжал восхищаться подросток. От избытка чувств он выдернул наушники из ушей, и музыка вырвалась на волю, заставив Виктора Петровича удивиться еще раз: песня, льющая из наушников, была популярна и тридцать лет назад.

— Пива? — учтиво спросил подросток, протягивая наполовину опорожнённую бутылку.

— Да нет, спасибо. Самого-то родители не заругают?

— За что!? — округлил глаза пацан.

— За пиво. Запах, поди, унюхают.

— Не заругают. Не заметят. Им некогда — заняты обеспечением благосостояния семьи, — мальчик явно повторил слова взрослых,

лёгкая тень обиды сквозанула в его голосе. — Да и пиво-то — безалкогольное. Вот, читайте...

Виктор Петрович с интересом рассматривал подростка. Тот уже переключил внимание на художницу.

— Тётенка, вы меня рисуете!? — кривляясь, прокричал он.

Художница коротко стрельнула в пацана глазами и презрительно фыркнула в сторону.

Мальчишка поднялся со скамейки и вихляющей походкой двинулся к девушке.

«Обидеть ведь может», — подумал Виктор Петрович, но парень до художницы не дошёл. Приблизился, постоял в сторонке, вытягивая по-гусиному шею и поддёргивая в спешивости штаны, притопал обратно.

— А-а, — пренебрежительно протянул он. — Деревья какие-то, скамейки...

Подросток потоптался ещё с минуту, допил пиво и, будто спрашивая, сказал:

— Ну, я пошёл?

Бутылку он, помедлив немного, опустил-таки в урну. И пошагал, загребая широкими штанинами прошлогоднюю листву. Маленький, предоставленный сам себе человек...

Виктор Петрович улыбнулся своим медленным мыслям и снова прикрыл глаза. Жизнь прожита, и не нужно думать о прошлом, о будущем грезить тоже не стоит, сколько бы его ни осталось. Важен покой, важен апрель со своим мягким светом и горьковатым вкусом...

— Здравствуйте. Извините, я присяду...

Рядом со скамейкой стояла пожилая женщина в сером пальто и чёрной изящной шляпке.

— Ну что вы, конечно, садитесь. Женщина понравилась Виктору Петровичу своим шероховатым голосом и ненавязчиво-извинительной манерой обращения.

Она села чуть в стороне, аккуратно подобрав полы длинного пальто и пристроив на коленях средних размеров сумку.

«Ей примерно столько же, сколько и мне, — определил возраст соседки Виктор Петрович. — Когда-то она была, наверное, красива... Да нет, и сейчас очень симпатична, только... устала».

Женщина глядела вдаль перед собой, в прямой спине и покойно лежащих на сумке руках действительно чувствовалась большая усталость.

— Гуляете? — довольно глупо спросил Виктор Петрович.

— Нет, — спокойно улыбнулась женщина. — Я в поликлинику пришла, очередь заняла, посидела часик — невмоготу стало. А там народу — ещё часа на два... Вышла подышать.

Виктору Петровичу почему-то было приятно слушать её ровный голос и смотреть на её простое лицо.

Вдруг мимолётная лукавинка высветилась в глазах женщины, сделав их молодыми.

— Я вас знаю, — сказала она, — вы из десятого «А». Но меня вы, конечно, не помните. Я тогда в седьмом училась и была в вас безнадежно влюблена. А вы... вы за Ленкой из девятого «Б» ухаживали. Ну ещё бы, первая красавица школы! Все мальчишки как с ума посходили...

Виктор Петрович изумлённо смотрел на случайно встреченную женщину, которая вдруг легко привела в порядок пыльный ворох его воспоминаний. Конечно, он её

не узнавал и не мог узнать — разве обращал он в те годы внимание на каких-то семиклашек. Но она говорила правду: учась в десятом, он, как и все его одноклассники, ухлёстывал за Ленкой Бариновой, страдал, сгорая от безумной любви, по ночам тайком приносил цветы к дверям её квартиры, посвящал ей стихи...

— Я сразу вас узнала, — говорила женщина. — Кстати, меня Любой зовут, Любовью Ивановной. Вы ведь никогда даже не подозревали о моём существовании, верно? А я потом ещё долго любила вас, всё надеялась, что когда-нибудь... Да что я! Всё это было тысячу лет назад!..

Они сидели на облупленной скамейке, посреди пустынного парка, в самой середине весны и неторопливо рассказывали друг другу каждый о своей жизни. Виктор Петрович — о всех своих четырёх браках, каждый из которых считал вполне счастливым; о сыновьях и дочках, разлетевшихся во все концы страны, увезя с собой недоласканных внуков; о том, что он (оказывается, уже двадцать три года!) очень одинок после развода с четвёртой женой; о том, что... всё у него хорошо, и здоровье особо не беспокоит. Любовь Ивановна говорила, что замуж вышла поздно, но на всю жизнь — супруг её и ныне здравствует и даже ещё работает преподавателем в техникуме; дочка с мужем живут неподалёку — всего-то в получасе ходьбы, и внучка неделями пропадает у бабушки с дедушкой; и всё у них тоже хорошо, только вот болячки навалились...

Тихо, матово светило солнышко, перекрикивались, пробуя голоса, какие-то пичуги, где-то вдалеке звонил колокол. Виктор Петрович смотрел в глаза Любви Ивановны, видел в них своё отражение и

запоздало млеет оттого, что эта теперь уже пожилая... да что лукавить — уже престарелая, красивая женщина была в него влюблена. Это было давно, очень давно, но почему-то хорошо от этого было сейчас...

— Мне пора, — сказала Любовь Ивановна, протягивая ему руку. — Как бы очередь не пропустить. Я очень рада, что встретила вас. До свидания, Саша.

Отпуская шершавую тёплую ладонь, Виктор Петрович тихо улыбался, немного ошарашенный. Ему было чуть-чуть грустно от понимания, что влюблена в те давние годы Люба была вовсе не в него, а в его закадычного друга Сашку Ветрова.

Она ушла по весенней аллее. Виктор Петрович снова сидел на скамейке и, прикрыв глаза, дышал своим шестьдесят восьмым апрелем...

— Дедушка, возьмите вот... На память.

Перед ним стояла художница и протягивала ему квадратный лист картона. На листе твёрдыми, умелыми карандашными штрихами был нарисован уголок парка с деревьями, скамейкой, а на скамейке, держась за руки, сидели Виктор Петрович и Любовь Ивановна. Только... они были молодыми, тридцатилетними. Юная художница ещё не умела рисовать старость.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧУДА

Володька ждал чуда уже много лет. Зачем оно ему нужно, он не знал, как не знал и того, каким это чудо должно быть. Каждое событие в его жизни оценивалось по формуле «чудо — не чудо», и, можем вас заверить, критерии оценки были жёсткими. Достаточно сказать, что выигрыш в одной из многочисленных ныне лотерей пятидесяти тысяч рублей после всестороннего и глубокого рассмотрения чудом признан не был.

Родился и вырос Володька Метёлкин в семье, как принято считать, неполноценной. Отсутствие отца несильно угнетало здорового и бойкого мальчугана — его, отца, как бы и не было никогда, и даже в Володькиной метрике отчество было прописано по матери — Дарьевич. Детство Володьки едва ли можно было назвать безоблачным. Небо над его вечно лохматой головой частенько затягивалось туча-

ми и извергало молнии, тщетно слясь попасть в вертящуюся фигурку, снующую по грешной земле.

Мать учительствовала в городской школе и там же подрабатывала уборщицей. Постоянная занятость матери доходов больших семье не приносила, и из неё же простекала такая безнадзорность, свобода в совершении поступков, которой Володька пользовался в полную силу неуёмного воображения. Чего стоил один прыжок с крыши трёхэтажной школы с парашютом собственного изготовления, который, конечно, не пожелал раскрываться. Последствиями подвига стали всего лишь строгий выговор в приказе по школе и слёзы матери.

Не пострадал Володька и во время традиционного весеннего катания на льдинах, когда две из них с глухим скрежетом сшиблись над ним, уже барахтавшимся в чёрной ледяной воде. Пробковым

поплавком вынырнув в двадцати метрах от места трагедии, Володька бодро поплыл вразмашку к берегу. К потерям были отнесены шапка-ушанка, купленная матерью в начале зимы, и валенок такой старый, что оплакивать его было бы позорно. Да и шапка удостоилась слёз исключительно Дарьи Петровны. Впрочем, она плакала скорее о своей несчастной судьбе, поскупившейся на отца для её ребёнка, а может, от радости за чудесное спасенье сына, который не схлопотал даже насморка... Их, женщин, не поймёшь, почему они часто плачут.

Вершиной детских приключений Володьки стало падение со стрелы башенного крана на строительстве моста через не широко широкую в городе речку. Зачем он туда забрался, едва ли вспомнит теперь сам, но так или иначе, падая с тридцатиметровой высоты, Володька благополучно миновал все недостроенные конструкции моста и шлёпнулся напрямик в самое глубокое место реки, откуда спустя некоторое время всплыл ошарашенный, но вполне живой. Скажете, чудо? Нет. Мальчишеский максимализм Володьки Метёлкина чудес такого рода не признавал. Его чудо должно было быть особым, по-настоящему чудесным. И главное: оно должно было произойти обязательно.

Детство, расцвеченное полётами, и не только во сне, успешно завершилось. Ознаменовываясь редкими удачами на личном фронте и частыми успехами в труде, началась взрослая жизнь. Её начало в повествовании намеренно опускаем, поскольку ожидаемого чуда так и не случилось. Следует лишь сказать, что Владимир Дарьевич

Метёлкин, несмотря на отсутствие в воспитательном процессе его личности твёрдой мужской руки, бандитом всё же не стал. А получился из него человек достаточно скромный в быту и талантливый инженер, перспективу роста способностей которого ограничивали лишь скромные возможности проектной организации, где Володька трудился.

Женился наш герой, когда на горизонте его жизни уже маячил сорокалетний юбилей. Скажете, поздно? Ответим: нет, ибо твёрдо уверены, что всё в этой жизни вовремя и в свой черёд, даже чудо. К чуду, конечно, можно приравнять настоящую любовь, тем более с первого взгляда, тем более свалившуюся на слегка поседевшую Володькину голову внезапно, как кирпич в чистом поле.

Было так. Вечерами, возвращаясь со службы, инженер Метёлкин заходил в продуктовый магазин, расположенный напротив пятиэтажного дома, где и проживал Владимир Дарьевич в обычной однокомнатной квартире со всеми возможными на данный период удобствами. Происходило это ежедневно, потому как запастись продуктами впрок Володька не умел — попросту не видел в этом смысла.

Однажды, расплатившись за кефир, сосиски и хлеб, он поднял глаза на кассиршу, которую видел уже тысячу раз. Он мог легко узнать её по рукам, быстро и аккуратно считающим чужие деньги, но никогда не смотрел ей в глаза. А тут посмотрел...

Метёлкин не сразу понял, что погиб, сражён наповал стремительной лукавинкой карих глаз и тонкой улыбкой. Потом он ещё долго топтался по магазину,

перебирая в кармане сдачу — монеты хранили шершавое тепло пальцев девушки. Он снова и снова возвращался в торговый зал и покупал ненужные дрожжи, ваниль, крабовые палочки. В четвёртый раз стоя в очереди к кассе, Метёлкин старался не смотреть на милое лицо кассирши, но не мог удержаться. Она коротко поглядывала на него, смешно хмурилась, заставляя Володькины глаза нырять в пол.

Подошла его очередь, и вместо того чтобы протянуть деньги за приобретенные свечи для торта, Володька неожиданно для себя пробубнил:

— Выходите за меня замуж...

И наткнувшись блуждающим взглядом на табличку на груди девушки, добавил робко:

— Наталья Ивановна.

Поинтересоваться её семейным положением даже не пришлось ему в голову. А может, и пришлось, да он не успел.

Девушка просто сказала:

— Я согласна.

Дальше Метёлкин помнил только, что протяжно ныло сердце, в глазах сквозь туман вспыхивали букеты неестественно алых роз, руки жили совершенно отдельной жизнью — прагматик-мозг просто не знал, куда их деть...

Из магазина они возвращались поздно вечером вместе. А за свечи в тот день Володька так и не расплатился.

За год семейной жизни было всё: и яркая, не поддававшаяся разумным объяснениям страсть, и спокойное тепло от простого присутствия человека, ближе которого нет. Были и размолвки. Нет, не те, что принято называть скандалами — с яростным битъём посуды,

криками «Ненавижу!» и хлопаньем дверей. Несерьёзно это. Настоящую боль приносят молчаливые ссоры, когда близкие люди до рассвета сидят на крохотной кухне в невообразимой дали друг от друга, страдая от непонимания своего, казалось бы, второго «я», от проходящего именно в такие моменты неумения объяснить свою правоту. Было, наконец, рождение дочки — крохотной Аниютки, заявившей о своем существовании в семье поначалу капризным писком, а потом умильным и быстро ставшим привычным агуканьем.

Порядок вещей менялся, жизнь устаивалась и размеренно текла в нужном и единственно возможном русле. Все её коллизии по здравом размышлении воспринимались совершенно естественными и чуда собой не являли.

Сорок первый Володькин день рождения отмечался в семейном кругу. Вечер был осиян ровным светом домашнего очага и овеян легкой грустью — года-то идут. А назавтра — благо была суббота — сослуживцы зазвали Метёлкина на рыбалку. Рыбаком он не был, но был именинником, и следовало «проставиться».

Разбив лагерь на берегу отдалённой речушки, готовили снасти, жгли костёр, выпивали, как водится, за Володькино здоровье, за клёв, за честную мужскую дружбу. Все друг друга уважали и допоздна вели душевные беседы. Потом безмятежно спали в душных палатках, придавленных к земле звёздным июльским небом. Куца летняя ночь пролетает быстро, и едва начало светать, протрезвевшие рыбаки уже пристраивались к своим удочкам, поёживаясь и позёывая.

Володька стойко отсидел со всеми зорьку и даже поймал двух не слишком расторопных окуней. Дальше сидеть, глядя на впавший в спячку поплавок, было скучно, и, наказав то ли удочкам, то ли водным обитателям «ловись, рыбка, большая и маленькая», Метёлкин отправился гулять по окрестностям. Поднявшись от реки на взгорок, он устало вытянулся на едва просохшей от росы траве. И так вдруг ему стало хорошо, как не было, наверное, никогда ещё в жизни.

Из прибрежных кустов доносились легкие шлепки снастей о воду и тихие возгласы рыбаков. Пахло мёдом, мятой и ещё чем-то, доселе не знакомым. Прямо перед носом, на ромашке, как на качелях, удовлетворенно урча, раскачивался полосатый шмель. А выше, невидимый, всё уверенней распевался жаворонок. А ещё выше — отчаянно синело небо, перечеркнутое белым расплывающимся следом сверхзвуковика. И всё вместе — обоняние, осязание, зрение, слух и что ещё там — сливалось в большое не квалифицированное наукой чувство: хорошо!

И чудо, то самое, которого Метёлкин ждал так долго и о котором стал уже забывать, произошло! Володька непонятно как оказался в кабине того, пролетавшего на страшной высоте самолета, смотрел сверху во все глаза и видел!..

Видел жаворонка, зависшего в воздушном потоке; шмеля, одуревшего от цветочного запаха; себя, лежащего на лугу, разбросав руки; своих друзей, брезентовыми холмиками застывших над удочками.

Видел доброе морщинистое лицо матери с приставленной к бровям сухой ладонью. Мать смотрела вверх, на Володьку, и глаза её слезились, должно быть, от взшедшего солнца.

Видел огромные молочно-синие глазищи дочери Анютки, начинающие заинтересованно присматриваться к окружающему миру; её судорожно стиснутые маленькие кулачки — в них зажато так много всего, в том числе и Володькина судьба.

Видел свою Наташку, заботливо склонившуюся над детской кроваткой: волосы тяжело рассыпались по плечам, в свободном вырезе ночной сорочки упруго беллет грудь. Не та женская грудь, вид которой делает из мужчины вождя самца, а та, трогательная до пощипывания в носу, что рождает высокое чувство ответственности, готовность, не раздумывая, броситься на её защиту грудью собственной!..

Володька парил в небе, не уклоняясь от летящих навстречу облаков, и вдохновенно орал:

— Вот же!.. Вот же оно!..

И, наверное, это оно и было. Его, Володькино, особенное чудо — его жизнь!